

01046

1962/11/05

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

А.И.НИКОЛЯНА с Фиделем КАСТРО, Освальдо ЛОРТИКОСОМ,
Раулем КАСТРО, Эрнесто ГЕВАРА и Карлосом Рафаэль
РОДРИГЕС

5 ноября 1962 года

5 ноября в президентском дворце состоялась беседа А.И.Никольяна с кубинскими руководителями в том же составе, что и предшествовавшая. Беседа длилась 2 часа 30 минут.

На предыдущей встрече Ф.Кастро задал товарищу Никольяну вопрос, из которого следовало его сомнение будто мы передали ему не все письма Н.С.Хрущева к президенту Кеннеди. Он спросил, чем объяснить заявление Кеннеди от 27 октября, в котором уже есть ссылка на наше согласие демонтировать площадки специального оборудования. Товарищ Никольян ответил Кастро, что все конфиденциальные письма Н.С.Хрущева переданы кубинскими друзьями, а открытие послания они знают из печати. Никаких других писем Н.С.Хрущева к Кеннеди, сказал т.Никольян, больше не получалось.

Для того, чтобы точнее воспроизвести ход событий, товарищ Никольян попросил ответить на этот вопрос в следующей беседе, т.е. 5 ноября, предварительно просмотрев еще раз всю переписку по этому вопросу.

5 ноября, начиная беседу, А.И.Никольян отметил, что с нашей стороны еще раз просмотрена вся переписка, которая имела место в эти дни между Н.С.Хрущевым и Кеннеди, и установлены мотивы, побудившие Кеннеди в своем послании от 27 октября сослаться на наше согласие о демонтаже.

Вы знаете, сказал А.И.Никольян, содержание всех посланий Н.С.Хрущева к Кеннеди, и мне хотелось бы отметить, что Кеннеди в известном вам письме от 27 октября, на которое Вы обратили внимание, формально отвечает на конфиденциальное письмо Н.С.Хрущева от 26/X, а по существу — одновременно на опубликованное в печати еще до упомянутого ответа Кеннеди послание Н.С.Хрущева от 27/X, в котором ставился вопрос о демонтаже площадок на Кубе при условии

х) Беседа тов. Никольяном А.И. не просмотрена.

ликвидации американцами своей базы в Турции. Вам была передана вся переписка между Н.С.Хрущевым и Кеннеди за исключением одного конфиденциального послания Кеннеди от 25 октября, которое не имеет отношения к вопросу о демонтаже и лишь обвиняет нас в отрицании факта создания нами площадок для специального оружия на Кубе. Мы можем зачитать это письмо и затем передать вам перевод его. (Зачитывается).

ФИДЕЛЬ КАСТРО. Спасибо. Теперь этот вопрос мне ясен.

А.Н.МИКОЯН. Я продолжу. Получив это послание, мы ответили на него 26 октября по конфиденциальным каналам. В этом письме еще не содержалось конкретных предложений. Речь шла только о необходимости добиться устранения угрозы нападения на Кубу. Письмо содержало в себе лишь идеи поисков соглашения. 26 числа ответа на наше письмо от Кеннеди мы не получили. 27 октября утром также не было ответа. Мы пришли к выводу, что американцы активно готовятся к нападению, но не хотят раскрывать своих планов перед мировым общественным мнением. Поэтому для того, чтобы связать американцам руки, мы решили послать новое письмо Кеннеди, опубликовав его в печати. Это известное вам письмо от 27 октября, в котором выдвигается требование о ликвидации американских баз в Турции. Мы опубликовали это письмо очень быстро, до того как американский посол получил его текст. Нашей целью было опередить американцев, расстроив их планы. Только после этого мы получили послание от Кеннеди. Оно было направлено вечером 27 октября. Мы его получили под утро 28 октября (нужно принимать во внимание разницу во времени). Это письмо по форме походило на ответ на конфиденциальное письмо Н.С.Хрущева от 26 октября, но по существу представляло ответ на письмо от 27 октября. 28 октября утром, после получения письма от товарища Фиделя Кастро, а также располагая другой информацией о подготовке к нападению буквально в ближайшие часы, т.Н.С.Хрущев сделал опубликованное по радио открытое заявление о том, что дано указание советским офицерам о демонтаже и эвакуации стратегических ракет. Как вы понимаете, для консультаций с Кубинским правительством не было времени. Путем опубликования мы получали возможность быстро передать на Кубу указанные документы, но ожидать ответа у нас физически не было времени, так как на обработку телеграмм, их зашифрование, расшифрование, перевод и передачу потребовался бы большой срок.

Поступая так, мы исходили из того, что главная задача в сложившейся обстановке состоит в необходимости предотвратить нападение на Кубу. Я хотел бы подчеркнуть, что наши предложения о демонтаже стратегических ракет и о ликвидации американских баз в Турции были выдвинуты еще до получения письма от товарища Фиделя Кастро от 27 октября. Указание о демонтаже стратегических ракет и их эвакуации мы дали после получения ответа Кеннеди, датированного 27 октября, и получения письма Фиделя Кастро. В нашем документе от 28 октября, как вы заметили, уже не выдвигалось требования о ликвидации баз в Турции. Мы пошли на это, так как опасались, что американские империалисты, несмотря на наше предложение от 27 октября, могут совершить нападение на Кубу. Нам не оставалось ничего другого как решать главную задачу — предотвратить нападение на Кубу, полагая, что кубинские друзья поймут правильность таких действий, хотя и не была соблюдена вся нормальная процедура согласования.

Речь шла о 24 часах, остававшихся до нападения на Кубу. Нужно учесть, что у нас оставались считанные часы, нам нельзя было действовать иначе, чем мы действовали. И результат есть: нападение на Кубу предотвращено, мир сохранен. Хотя вы и правы в том, что в отношении процедуры консультации не соблюдено все, что возможно в нормальных условиях.

Ф.КАСТРО. Мне хотелось бы ответить товарищу Миколну.

Мы с огромным вниманием выслушали сообщение и разъяснения товарища Миколна. Несомненно, все эти объяснения, которые помогают нам лучше понять ход событий, были очень ценными. Мы благодарим за желание разъяснить нам все эти положения, за все усилия, приложенные в этом плане. У нас также не вызывает никакого сомнения аргументы о том, что стратегические ракеты после их обнаружения врагом практически теряют всякое военное значение, или их значение становится чрезвычайно малым.

Мы благодарим за все эти объяснения и понимаем, что намерения Советского правительства нельзя расценить лишь на основании анализа последних событий, тем более, что обстановка быстро меняется, складываются новые ситуации. При анализе необходимо принимать во внимание всю совокупность принятых решений, на основе которых на Кубу было доставлено стратегическое оружие и было подписано соглашение.

это соглашение предполагалось опубликовать после завершения монтажа стратегических ракет и после выборов в США. Эти решения — свидетельство твердой решимости Советского Союза защитить Кубу. Они позволяют правильно понимать политическую линию Советского Союза. Поэтому я повторяю, что анализ позиции СССР может быть правильным только при учете всех событий и решений как в период, предшествующий кризису, так и во время кризиса.

Мы не сомневаемся, что если бы все работы по монтажу стратегического оружия были завершены в условиях секретности, то, таким образом, мы получили бы сильное средство сдерживания против американских планов нападения на нашу страну. Таким образом, были бы достигнуты цели, которые преследовали как Советское правительство, так и Правительство Республики Куба. Мы считаем, однако, что размещение советских ракет на Кубе имело значение для интересов всего социалистического лагеря. Даже, если не считать это размещение преимуществом военного типа, оно имело значение политическое и психологическое в борьбе за сдерживание империализма и недопущение осуществления его агрессивных планов. Таким образом, размещение стратегических ракет на Кубе было осуществлено не только в интересах защиты Кубы, но и всего социалистического лагеря. Это было сделано с нашего полного согласия.

Мы хорошо понимаем значение этого шага и считаем, что это был правильный шаг.

Мы вполне согласны и с тем, что нельзя допустить развязывания войны. Мы не выступаем против того, что принимавшиеся меры преследовали две цели, а именно — недопустить нападения на Кубу и избежать развязывания мировой войны. С этими целями, которые преследовал Советский Союз, мы вполне согласны.

Недопонимание возникло в связи с формой обсуждения данного вопроса. Однако, нам понятно, что обстоятельства требовали срочных действий, и обстановка не была нормальной. Оценивая прошлые события, мы приходим к выводу, что можно было бы провести обсуждение этих острых вопросов в иной форме. Вот, например, вопрос, который мы здесь обсуждали. Он касается влияния моего письма на принятие Советским правительством решения и опубликование письма Советского

правительства от 28 октября. Правда, мое письмо не имело отношения к вопросам, затронутым в посланиях от 26 и 27 октября, которыми обменялись Советское правительство и Правительство США. Такое письмо преследовало одну цель — информировать Советское правительство о неизбежности нападения на Кубу. В нем не говорилось ни о малейших колебаниях с нашей стороны. Мы четко заявили о своей решимости бороться. Кроме того, мы не говорили, что ожидаем вторжения. Мы писали, что оно, хотя и возможно, менее вероятно. Более вероятной, по нашему мнению, была атака с воздуха с единственной целью уничтожить стратегическое оружие на Кубе. Основа решения Советского правительства от 28 октября уже выражена в послании к Кеннеди, датированном 26 октября, и четко проявилась в письме Н.С.Хрущева от 27 октября к Кеннеди. В этих двух документах наличествует реальная база решения, о котором было сообщено в письме от 28 октября. Так, письмо Кеннеди от 27 октября означало принятие предложений Н.С.Хрущева от 26 октября о том, что он согласен эвакуировать с Кубы не только стратегическое оружие, но и все оружие, если США перестанут угрожать Кубе нападением. Ведь угроза со стороны США была единственной причиной, которая заставила Кубу вооружаться. Когда Кеннеди принял это предложение (мы не знали о том, что он его принимает), сложились условия для развития советских предложений и подготовки декларации относительно договоренности сторон. Можно было бы сказать США, что СССР готов демонтировать оборудование, но хочет обсудить это с Кубинским правительством. По нашему мнению, таким должно было бы быть решение вопроса, вместо того, чтобы давать сразу указания об эвакуации стратегического оружия. Такой путь позволил бы ослабить международную напряженность и дал бы возможность обсуждать с американцами вопрос в более благоприятных условиях. Таким путем можно было бы не только добиться уменьшения международной напряженности и обсуждать этот вопрос в лучших условиях, но и добиться подписания декларации.

Однако это только простой анализ предшествующих событий, который уже не имеет особенного значения в настоящее время.

Теперь для нас важно знать, что делать в новых условиях. Как мы будем добиваться достижения наших основных целей и одновременно не допускать развязывания агрессии и бороться за сохранение мира. Конечно, если со временем нам удастся обеспечить действительно проч-

ний мир, то в свете новых фактов мы сможем лучше и правильнее оценить значение сделанных шагов. Результаты нашей борьбы в дальнейшем сами скажут о значении событий сегодняшнего дня. Конечно очень многое в этой борьбе зависит именно от нас.

Мы очень благодарны за все разъяснения, которые нам дал товарищ Никоян, за те усилия, которые он приложил для того, чтобы мы поняли ход последних событий. Мы принимаем во внимание особые условия, в которых пришлось действовать. У нас нет сомнений в дружеском характере наших отношений, основанных на общих принципах. Наме уважение к Советскому Союзу неизменно. Мы знаем, что он уважает наш суверенитет и готов защищать нас от агрессии со стороны империализма. Поэтому в настоящий момент самое важное для нас определить наши дальнейшие совместные шаги.

Мне хотелось бы заверить Вас, товарищ Никоян, в нашем полном доверии.

А.М.МИКОЯН. Я глубоко удовлетворен выступлением товарища Фиделя Кастро. Мы всегда были уверены в нашей искренней дружбе, которую ничто не может нарушить. Я дословно передам Ваше выступление в ЦК КПСС и уверен, что оно вызовет у Центрального Комитета нашей партии большую радость.

Мне хотелось бы дать небольшую справку, очень коротко.

Я вполне согласен с оценкой, данной товарищем Фиделем Кастро своему письму. Он правильно его толкует. Вопрос, который он ставит о том, не могли ли мы вместо указаний о демонтаже стратегических ракет принять другое решение — законный вопрос. Однако у нас была информация, что нападение на Кубу должно начаться в ближайшие часы. Может быть действительно предполагалось нанести в первую очередь удар по позициям стратегических ракет, но вслед за ним последовал бы удар по Кубе. Нам пришлось действовать решительно с тем, чтобы сорвать план нападения на Кубу. Мы понимаем, что тем самым пришлось пожертвовать необходимостью консультаций с Кубинским правительством.

Относительно мнения товарища Фиделя Кастро, что в письме Н.С.Хрущева к Кеннеди, датированном 26 октября, содержалось обещание вывести с Кубы все оружие и всех военных специалистов, я должен сказать, что это неправильное мнение. Американцы не требовали

этого шага от нас. Речь шла о наступательном оружии. Может быть товарищ Фидель Кастро понял это на основании одной фразы, где говорится о выводе технических специалистов. Но в ней подразумевались специалисты, обслуживающие стратегические ракеты. Факт, что в виду имелись лишь специалисты по ракетам, подтверждается всеми письмами, всем их контекстом. В них речь шла лишь о наступательном оружии.

ФИДЕЛЬ КАСТРО подтверждает, что он так и понимал эту часть документа.

А.Н.МИКОШН. Не случайно Кеннеди в ответе на это письмо не ставит вопроса об эвакуации с Кубы всего оружия. Если бы это предложение содержалось в нашем письме, Кеннеди несомненно воспользовался бы им. Следовательно, мнение, к которому приходит товарищ Фидель Кастро в этой части, неправильно. В документах от 27 и 28 октября и в письмах Кеннеди ничего подобного нет.

Мне хотелось бы сказать о том, что американцы хотели бы расширить список эвакуируемого оружия. Такого рода попытки уже делались. Однако, мы не позволим им этого сделать. С нашей стороны было дано согласие лишь на эвакуацию стратегического оружия. Конечно, аппетит американцев растет. Когда я разговаривал с Макклоем, он с улыбкой сказал о том, что было бы неплохо, если бы мы убрали с Кубы и зенитные ракеты. Но это же оборонительное оружие, а не наступательное.

За полчаса до моего отлета из Нью-Йорка эти хулики (в этом случае речь шла о Стивенсоне) направили письмо товарищу Кузнецову, в котором писали о том, что они якобы забыли поставить вопрос о некоторых видах оружия. Имелись в виду бомбардировщики Ил-28 и катера класса "Комар". Стивенсон писал, что надо было бы обсудить этот вопрос. Я сразу же сказал товарищу Кузнецову, что этот вопрос не подлежит обсуждению. Эти бомбардировщики обладают малой скоростью, у них низкий потолок. И катера с установками "Комар" также не могут действовать на большие расстояния. Поэтому это оружие чисто оборонительное.

В первом заявлении Кеннеди американское правительство говорило о бомбардировщиках, затем этот вопрос отпал. Теперь они вновь хотят поставить этот вопрос. Мы решительно отказались от обсуждения его.

Из Москвы даны указания товарищу Кузнецову об этом. Это не что иное, как попыткой усложнить дело, чтобы вновь создать напряженную атмосферу и опасное положение.

Разрешите уточнить список, направленный Стивенсоном. Вот он. Здесь упоминаются бомбардировщики, катера класса "Комар", бомбы и ракеты "воздух-земля", снаряды "корабль-земля" и "земля-земля". Американцы нагло продолжают свои попытки усложнить обстановку.

Очень важно получить согласованный документ, который может быть использован в ООН. Его можно было бы провести в Организации Объединенных Наций с помощью У Тана. Но для этого необходимо иметь доказательства, удостоверяющие факт демонтажа и эвакуации оружия. Тогда обстановка значительно улучшится. Чем раньше это будет сделано, тем нам выгоднее.

Американцам же выгоднее затягивать решение этого вопроса. Они могут благодаря этому продолжать карантин и другие агрессивные меры. Нам надо было бы помочь У Тану с тем, чтобы он мог доложить ООН, что Советская Сторона осуществила демонтаж и эвакуацию наступательного оружия с Кубы. Об этом нам нужно было бы побеседовать.

Мы решительно отклонили требование американцев о воздушной инспекции. Тем не менее американцы с помощью аэрофотосъемки получили сведения о том, что демонтаж стратегических ракет закончен, и сами опубликовали эти данные. У Тан мог бы уже информировать ООН, но он нуждается в доказательствах, подтверждающих эвакуацию оружия. Представители ООН должны видеть как осуществляется эвакуация и довести результаты своего наблюдения до У Тана. Тогда обстановка значительно упростится. Вопрос будет передан в Совет Безопасности, где решат не только представители США.

Я не настаиваю на том, чтобы Вы отвечали по этому вопросу именно сейчас. Может быть Вы сможете сделать это завтра. Если для Вас это оказалось бы приемлемым, почему не дать, например, согласие на то, чтобы представители У Тана могли убедиться как осуществляется погрузка вооружения на советские корабли. Вам известно, что в портах зачастую действуют различные международные комиссии или представители иностранных держав, и этот факт несколько не ограничивает суверенитета данной страны. Такая возможность позволила бы У Тану

считать решение о выводе стратегических ракет с Кубы выполненным. Эти наблюдатели могли бы побывать на советских кораблях, находящихся в портах, с целью проверки факта вывоза. В этом не было бы, с моей точки зрения, никакого ущемления национального суверенитета.

Социалистические страны, ведь мы марксисты-ленинцы, должны даже в тех случаях, когда мнения несколько расходятся, находить путь, обеспечивающий единство действий. Кроме того, мне кажется, что можно было бы учесть, что на территории Кубы находятся наши вооруженные силы. Следовательно наше сотрудничество должно быть особенно эффективно в борьбе против империализма. Вы можете ответить на это мое предложение может быть не сегодня, а завтра, но мне кажется, что это минимальная уступка, которая позволила бы У Тану доложить Совету Безопасности об эвакуации ракет. В противном случае неизбежно в Совете Безопасности мы услышим заявление о том, что кубинцы не позволяли осуществлять контроль, а русские только говорят о контроле. Если же Совет Безопасности получит возможность констатировать выполнение обещания Н.С.Хрущева, тогда и карантин может быть снят. Начнется этап дипломатических переговоров. Примерно такую просьбу изложил и У Тан во время беседы со мной. Я прошу вас обсудить это предложение. Мне кажется, что разрешение этого вопроса поможет создать определенные условия для разрешения кризисной ситуации, сложившейся в Карибском море.

Американцы хотели бы затянуть решение этого вопроса. Затягивание решения вопроса о контроле дает им возможность продлевать карантин. Мы сказали американцам, что сможем осуществить эвакуацию орудий за 10 дней. Они не торопятся, говорят, что можно провести её и за месяц. Для США выгодно сохранять напряженность в этом районе. Мы же стоим за разрядку напряженности, чтобы завершить разрешение вопроса в Совете Безопасности. По нашему мнению, до конца выборов в США в Совете Безопасности трудно обсуждать этот вопрос. Выборы состоятся уже завтра, и поэтому можно было бы непосредственно подумать о его решении. Очень важно, чтобы У Тан продолжал оставаться на нашей стороне. Как мне показалось, он очень доволен встречей с товарищем Фиделем Кастро. Но если мы затянем решение этого вопроса, то, по моему мнению, этим воспользуются американцы.

К.Р.РОДРИГЕС. Значит, если я Вас правильно понял, вопрос стоит о контроле погрузки в кубинских портах, как минимальном требовании, и американцы будут считать такой контроль достаточной гарантией? Не потребуют ли они потом проверки на месте, в лесах? Боюсь, что, идя по такому пути, мы можем дойти и до инспекции на местах, где располагались ранее стратегические ракеты.

А.И.НИКОЛЯН. Дело не в империалистах. Такого рода проверка необходима для нас. Если империалисты начнут протестовать, то мы можем послать их к черту. Но необходимо учитывать, что поддержка у Та-на для нас это важное дело, а империалисты могут говорить, что мы вздуваемся. Мы отправим их к черту, тем более, что они с помощью аэрофотосъемки уже убедились в демонтаже ракет. Если мы договоримся относительно контроля на судах, то представители ООН смогут проконтролировать и процесс погрузки. На большее мы не согласны. Конечно, аппетит приходит во время еды, но мы решительно выступим против такого роста аппетита, сделаем шаг навстречу и хватит с них. Мы отказались от инспекции, не допустили наземную проверку, не допустили и контроля за демонтажом. Однако для укрепления наших позиций в ООН, следует дать фактический материал представителям этой организации. Иначе будет трудно обуздать реваншистов в Совете Безопасности. Если же мы проведем эвакуацию оружия и она будет проконтролирована, то мы добьемся снятия карантина. Я думаю, что не следовало бы ставить знак равенства между ООН и американскими империалистами. Дело в том, что Организация Объединенных Наций не может выйти за рамки, определенные двумя посланиями. Если нам удастся получить поддержку ООН, то американцы пойдут к черту. Мы обещали допустить проверку эвакуации. Эта проверка может быть организована средствами ООН. Никаких других обещаний мы не давали. Если же мы не выполним своего обещания, обстановка может значительно осложниться. Может быть вы обсудите этот вопрос без нас и одновременно подумаете относительно возможностей наших дальнейших совместных действий. Если вы найдете возможность, то мы можем собраться сегодня. Впрочем встреча может состояться и завтра.

Ф.КАСТРО. А как будет выглядеть эта инспекция?

А.И.МИКОЯН. Представители У Тана придут в порт погрузки. В настоящее время для этого выделено 4-5 кораблей. Затем они поднимутся на корабль. Им покажут груз, дадут соответствующую информацию. Они таким образом убедятся, что мы выполняем обещание и уедут. Так я понимаю эту форму контроля. Если мы придем к соглашению относительно этого предложения, я сообщу об этом нашему представителю в ООН и тогда мы сможем условиться о технике и порядке этой работы.

Связавшись с Москвой, я смог бы сообщить, что мы договорились о том, что как У Тан, так и ООН могут получить данные, необходимые для того, чтобы заявить об осуществлении проверки.

Ф.КАСТРО. Разве нельзя то же самое сделать в открытом море?

А.И.МИКОЯН. Такой вариант проверки погрузки более подходит У Тану. Он не ущемляет и вашего суверенитета, поскольку проверка осуществляется не на вашем берегу, а на нашем пароходе.

Ф.КАСТРО. Мне хорошо понятен интерес удержать У Тана на вашей стороне. Однако такого рода инспекция безусловно тяжело бы отразилась на моральном состоянии нашего народа. Американцы твердят о том, что договоренность о контроле достигнута с помощью обмена посланиями. И действительно в послании Хрущева к Кеннеди, датированном 28 октября говорится: "Как я уже Вам сообщал в письме от 27 октября, мы согласны с Вами договориться о том, чтобы представители ООН могли удостовериться в демонтаже этих средств".

Следовательно подразумевается представители Совета Безопасности, которые смогли бы убедиться в демонтаже на месте.

В послании Н.С.Хрущева говорится о том, что, естественно, подразумевается необходимость получения согласия на проверку со стороны правительств Кубы и Турции для проверки выполнения, взятых на себя обязательств. Это означает, что Н.С.Хрущев в письме от 28 октября ссылается на письмо от 27. Здесь говорится о необходимости получения согласия со стороны Кубы, но это не входит в обязанности Советского Союза, поскольку Советский Союз уже предупредил в письме от 27 октября, что необходимо разрешение кубинского правительства.

Товарищ Микоян говорит о том, что можно будет послать империалистов к черту.

23 октября я получил очень ясное письмо, в котором излагается четкая позиция Советского правительства. В нем характеризуется заявление Кеннеди как неслыханное вмешательство во внутренние дела, как нарушение международного права, как провокационный акт. Республика Куба, как и все суверенные государства, имеет право отвергнуть контроль и сама может определять виды оружия, которые ей необходимы. Ни одно суверенное государство не обязано давать отчет о такого рода действиях. Эти положения письма от 23 октября были очень четкими и правильно отражали нашу позицию.

Еще один вопрос. Формула о наблюдателях ООН на Кубе, в США, Гватемале и в других странах. Это, как мне кажется, более разумный контроль. Односторонняя инспекция чудовищно сказалась бы на моральном духе нашего народа. Мы пошли на большие уступки. Американские империалисты свободно осуществляют аэрофотосъемку, и мы не препятствуем им это делать по просьбе советского правительства. Нужно искать какую-то другую формулу. Я хочу сказать товарищу Микояну, и то, что я говорю, отражает решение всего нашего народа. Мы не согласимся на инспекцию. Мы не хотим компрометировать советские войска и ставить под угрозу мир во всем мире. Если же наша позиция ставит под угрозу мир во всем мире, то мы сочтем более правильным считать советскую сторону свободной от своих обязательств и будем сопротивляться сами. Будь, что будет. Мы имеем право сами защищать свое достоинство.

О. ДОРТИКОС. Заявление товарища Фиделя Кастро отражает общую решимость, всех нас, и мы считаем, что этот вопрос не стоит далее обсуждать.

А. И. МИКОЯН. Я не понимаю такой острой реакции на мое предложение. Речь шла не о инспекции территории Кубы, а о проверке в портах. В любом порту можно встретить иностранных представителей. Это ничего не имеет общего с инспекцией воздушной или наземной. Я говорю это не для того, чтобы оспаривать Ваше высказывание, а для того, чтобы разъяснить.

Помимо того вопроса, обсуждение которого мы закончили, мы собирались по вашему предложению обсудить план совместных действий. Это обсуждение мы могли бы продолжить не сейчас, а в удобное для вас время.

Ф.КАСТРО. На основании вчерашней встречи мы пришли к выводу, что советское правительство понимает причины нашей решимости не допустить контроля кубинской территории. Эта решимость является для нас отправной точкой. Мы исходим из этого и в совместных действиях. Если мы не договорились по этому вопросу, то трудно говорить о совместных действиях.

С политической точки зрения этот вопрос для Кубы самый важный в настоящее время. Гарантии весьма проблематичны. Речь не идет о мире. Ведь инспекция составная часть их стратегии в борьбе против кубинской революции. Позиция американцев более слабая. Газета "Тайм" писала о том, что демонтаж быстро осуществляется. Проверка в открытом море и в портах — это одно и то же. Однако проверка в портах для нас оскорбительна в плане политическом, и мы не можем выполнить этого требования правительства США.

А.И.МИКОЯН. Мое предложение не касалось территории Кубы, а касалось лишь советских судов, а суда считаются территорией того государства, которому они принадлежат. Такое предложение я выдвинул от своего имени. Москва не поручала мне выдвигать данное предложение. Говоря откровенно, я считал, что, поскольку такого рода контроль касается не кубинской территории, а советских судов, он мог бы быть принят. Я говорил, что, хотя мы и понимаем позицию Кубы, эта проверка не представляет опасности. Мне непонятна реакция с Вашей стороны на это мое предложение.

Нам Центральный Комитет поручил мне всесторонне разъяснить советскую позицию по всем интересующим кубинских товарищей вопросам, не навязывать свое мнение и не оказывать на вас нажима, чтобы добиться согласия на инспекцию территории Кубы.

Ф.КАСТРО. Но ведь проверка будет осуществляться с кубинской территории.

А.И.МИКОЯН. Нет, Она могла бы осуществляться только на судах. Для этого могли бы использоваться советские корабли или корабли нейтральных стран. Представители ООН могли бы жить и спать на этих пароходах.

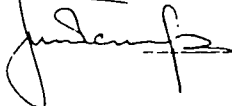
Ф.КАСТРО. Такого рода проверка в портах не отличается от проверки на судах в открытом море.

А.И.МЯКОЯН. Нет сомнения, что проверку можно проводить и в открытом море, но это не имеет отношения к Кубе.

О.ДОРТИКОС. Мне кажется, что мы могли бы на этом прервать нашу работу. О дальнейших встречах мы могли бы договориться через посла Алексеева.

На беседе присутствовал посол Алексеев.

Записал В.Тихоменев

АВП СССР.

TRANSLATION FOLLOWS

Memorandum of Conversation between Mikoyan and Cuban Leaders
5 November 1962

MEMORANDUM OF CONVERSATION

A.I. MIKOYAN with Fidel CASTRO, Oswaldo DORTICOS, Raul CASTRO, Ernesto GUEVARA and Carlos Rafael RODRIGUEZ

5 November 1962

On 5 November at the Presidential Palace, a discussion took place between A.I. Mikoyan and the same composition of Cuban leaders as on the previous occasion. The conversation lasted 2 hours 30 minutes.

During the previous meeting F. Castro asked comrade Mikoyan a question which showed his doubts, as if we had not given him all the messages from N.S. Khrushchev to President Kennedy. He asked how the statement of Kennedy of 27 October could be explained, insofar as there was already a reference to our consent to dismantle the ground launchers for the special equipment.

Comrade Mikoyan answered Castro that all confidential letters from N.S. Khrushchev had been given to the Cuban comrades and the open messages are known to them from the media. No other letters have been sent from N.S. Khrushchev to Kennedy, said Mikoyan.

In order to render the development of events more precisely, comrade Mikoyan suggested that he answer that question during the next discussion, that is on 5 November after looking through the whole correspondence on this issue once more.

In the conversation [on 5 November], A.I. MIKOYAN said that the correspondence between N.S. Khrushchev and Kennedy had been looked through again, and the motives, which had prompted Kennedy to refer to our consent about the dismantling of the missiles, had been determined. You are aware of the content of all the messages from N.S. Khrushchev to Kennedy and I would like to say that Kennedy in his letter of 27 October, which attracted your attention, formally is answering the confidential message of N.S. Khrushchev of 26/X [26 October], but in essence he is simultaneously responding to Khrushchev's letter of 27/X [27 October], which had been published even before the aforementioned response from Kennedy and in which we had raised the question of dismantling the ground launchers in Cuba under the condition of liquidating the American base in Turkey. You have been given all the correspondence between N.S. Khrushchev and Kennedy except for one confidential message from Kennedy of 25 October, which is not connected to the issue of dismantling and only accuses us of denying the fact of the construction of ground launchers for special

equipment in Cuba. We can read it out and then give you the translation. (The letter is read out.)

FIDEL CASTRO. Thank you. Now this issue is clear to me.

A.I. MIKOYAN. I'll continue. Having received that message we answered it on 26 October through confidential channels. In that letter there were no concrete proposals yet. We were speaking only about the necessity to eliminate the threat of an assault against Cuba. The letter included only the idea of seeking an agreement. We didn't receive an answer from Kennedy on the 26th. There was no answer on the morning of 27 October either. We came to the conclusion that the Americans were actively preparing for an attack, but preferred not to disclose their plans before world public opinion. Therefore, in order to tie the Americans' hands, we decided to send Kennedy a new letter and publish it in the press. That was the letter of 27 October, known to you, where the demand for the liquidation of the American bases in Turkey was advanced. We published this letter very quickly, even before the American ambassador received its text. Our objective was to forestall the Americans and frustrate their plans. Only then we received a message from Kennedy. It was sent on the evening of 27 October. We received it on 28 October toward the morning (the time difference [between Washington and Moscow—ed.] must be taken into consideration). This letter by its form seemed to be an answer to the confidential message from N.S. Khrushchev of 26 October, but in effect it was the response to the letter of 27 October. On 28 October in the morning, having received the letter from comrade Fidel Castro, and having at our disposal other data about preparations for an attack literally in the nearest hours, N.S. Khrushchev made an open radio statement that the Soviet officers had received orders to dismantle and evacuate the strategic missiles. As you understand, there was no time for consultations with the Cuban government. By publishing the messages we had the possibility to send them quickly to Cuba, but we could not wait for an answer because it would take a lot of time to encode, decipher, translate, and transmit them.

Acting in this way, we were proceeding from our conviction that the most important objective in that situation was to prevent an attack against Cuba. I would like to underline that our proposals to dismantle the strategic missiles and to liquidate the American bases in Turkey had been advanced before receiving the letter from comrade Fidel Castro of 27 October. The order for the dismantling of the strategic missiles and their evacuation was given after we had received the letter from Kennedy of 27 October and the letter from Fidel Castro. In our message of 28 October, as you have noted, the demand for the liquidation of bases in Turkey was no longer suggested. We did this because we were afraid that in spite of our proposal of 27 October the American imperialists could assault Cuba. We had nothing else to do but to work on the main task—to prevent an attack against Cuba, believing that our Cuban friends would understand the correctness of our actions, although the normal procedure of coordination had not been observed.

The question was that there were 24 hours left before an assault against Cuba. It must be taken into consideration that we had only a few [literally, “counted”—ed.] hours

at our disposal and we could not act other than we did. And there are results: an attack against Cuba is prevented, the peace is preserved. However you are right that the procedure of consultations, which is possible under normal circumstances, was not followed.

F. CASTRO. I would like to respond to comrade Mikoyan.

We have listened with great attention to the information and explanations offered by comrade Mikoyan. Undoubtedly all those explanations are very valuable because they help us to understand better the course of events. We are thankful for the desire to explain everything to us, for the efforts undertaken in this regard. The arguments, that the strategic missiles after being discovered by the enemy practically lost whatever military significance or their significance becomes extremely small, also cause no doubts among us.

We are grateful for all these explanations and do understand, that the intentions of the Soviet government cannot be assessed only on the grounds of an analysis of the most recent developments, especially as the atmosphere is rapidly changing and new situations are created. The totality of adopted decisions, which became the basis for supplying strategic weapons and the signing of [the Soviet-Cuban—ed.] agreement, must be taken into consideration. It was supposed to publish that agreement after the installation of the strategic missiles and after the elections in the USA. These decisions are testimony to the firm resolution of the Soviet Union to defend Cuba. They help to understand correctly the policy of the Soviet Union. Therefore, I repeat, an analysis of the USSR position can be correct only with due regard for all the events and decisions both before and during the crisis.

We do not doubt that if all the works on the assembly of the strategic weapons had been completed in conditions of secrecy then we would have received a strong means of deterrence against American plans for attacking our country. In this way objectives would have been achieved which are pursued both by the Soviet government and the government of the Republic of Cuba. However, we consider that the installation of Soviet missiles in Cuba was significant for the interests of the whole socialist camp. Even if we consider it to be a military advantage, it was politically and psychologically important in the struggle for the deterrence of imperialism and the prevention of its aggressive plans. Thus, the installation of the strategic missiles in Cuba was carried out not only in the interests of the defense of Cuba, but of the whole socialist camp. It was done with our complete consent.

We understood perfectly well the significance of this action and we considered it to be a correct step.

We also completely agree that war must be prevented. We do not object that the measures undertaken were in pursuit of two objectives, that is—to prevent an attack against Cuba and to avoid starting a world war. We completely agree with these aims pursued by the Soviet Union.

Misunderstanding arose in connection with the form of discussion of this issue. However, we understand that the circumstances were demanding urgent actions and the situation was abnormal. Assessing past events, we come to the conclusion that the discussion of these sharp questions could be carried out in another form. For example, the issue, which we have already discussed here, in regard to my letter in connection with the decision of the Soviet government and the publication of the Soviet government statement of 28 October. True, my letter bore no relation to issues mentioned in the messages of 26 and 27 October between the Soviet government and the USA Administration. Such a letter [from Castro to Khrushchev—ed.] pursued one objective—to inform the Soviet government about the inevitability of an assault against Cuba. There was not a word about any minor hesitation on our side. We clearly declared our resolve to fight. Besides, we didn't say that we were expecting an invasion. We wrote that it was possible, but not so likely. In our opinion, more probable was an air attack with the sole aim of destroying the strategic weapons in Cuba. The basis of the Soviet government decision of 28 October had already been reflected in the message to Kennedy of 26 October and clearly manifested itself in the letter from N.S. Khrushchev to Kennedy of 27 October. In those two documents there is the real basis for the decision announced in the letter of 28 October. So, Kennedy's letter of 27 October meant acceptance of proposals by N.S. Khrushchev of 26 October consisting of his consent to evacuate from Cuba not only strategic armaments, but all the weapons if the USA stops threatening Cuba with an attack. Because the threat on the part of the USA had been the only reason that forced Cuba to arm itself. When Kennedy accepted this proposal (we didn't know that he was accepting it), the conditions were created to develop the Soviet proposals and prepare a declaration regarding the agreement of the parties. The USA could have been told that the USSR was ready to dismantle the equipment but would like to discuss it with the Cuban government. In our opinion the issue should have been solved in this way instead of giving immediately an order to evacuate the strategic weapons. Such a procedure would have lessened international tension and secured the possibility to discuss the issue with the Americans in more favorable conditions. In this way it could have been possible not only to achieve a lessening of international tension and to discuss the issue in better conditions, but also to achieve the signing of a declaration.

It is only a simple analysis of previous events that does not have special importance right now.

Nowadays it is important for us to know what to do under the new conditions. In what way shall we seek to achieve our main goals and at the same time fight to prevent an aggression and preserve peace. Certainly, if in due course we manage to secure a lasting peace, then we'll have an opportunity to better assess the undertaken steps in light of new facts. Future results of our struggle will demonstrate the importance of today's events. Certainly, only a little bit in this struggle depends on us personally.

We are very grateful for all the explanations given to us by comrade Mikoyan, for all the efforts undertaken by him in order to make us understand the recent events. We

take into consideration the special conditions under which it was necessary to act. We have no doubts regarding the friendly character of our relations, based on common principles. Our respect for the Soviet Union is unshakeable. We know that it respects our sovereignty and is ready to defend us from an aggression on the part of imperialism. Therefore, the most important thing now is to determine our joint steps.

I would like to assure you, comrade Mikoyan, of our complete trust.

A.I. MIKOYAN. I'm deeply satisfied by the statement of comrade Fidel Castro. We have always been confident of our sincere friendship which nothing can disrupt. I'll transmit word by word your statement to the CC CPSU and I'm sure that it will produce gladness on the part of the Central Committee.

I would like to make a small explanation, very briefly.

I agree completely with the assessment, made by comrade Fidel Castro of his own letter. He is interpreting it correctly. It's a legitimate question raised by him—could we have made another decision instead of [sending] instructions for dismantling the strategic weapons[?] But we had been informed that an attack against Cuba would begin within the next few hours. Perhaps it was really intended to deliver a blow first of all against the strategic missile sites, but it would be followed by a strike against Cuba. We had to act resolutely in order to frustrate the plan of attack on Cuba. We realize that by doing this we had to sacrifice the necessity of consultations with the Cuban government.

Regarding comrade Fidel Castro's opinion that in the letter from N.S. Khrushchev to Kennedy of 26 October there was a promise to withdraw all weapons and all military specialists from Cuba. The Americans did not demand from us such a step. The issue was the offensive weapons. Perhaps comrade Fidel Castro made such a conclusion on the basis of the phrase where a withdrawal of technical specialists was mentioned. But this implied specialists who operate strategic missiles. The fact that it regarded only them is confirmed by all the letters, by the totality of their context. They were about offensive weapons only.

FIDEL CASTRO confirms that his understanding was just the same.

A.I. MIKOYAN. It is no coincidence that in his answer to this letter Kennedy does not raise the question of removing from Cuba all the weapons. If such a proposal had been present in our letter, Kennedy would undoubtedly have taken advantage of it. Therefore the opinion, outlined by comrade Fidel Castro regarding this part, is incorrect. There is nothing of the kind in the letters of 27 and 28 October.

I would like to mention, that the Americans are trying to broaden the list of weapons for evacuation. Such attempts have already been made, but we will not allow them to do so. On our part, we gave our consent only to withdraw strategic weapons. When I was speaking to McCloy he told me with a smile that it would be good if we

removed from Cuba the anti-aircraft missiles, too. But those are defensive weapons, not offensive.

Half an hour before my departure from New York, those pilferers (now we are speaking about Stevenson) sent a letter to comrade Kuznetsov, saying that they supposedly had forgotten to raise questions about some kinds of weapons. They were referring to the IL-28 bombers and "Komar" ["Mosquito"] patrol boats. Stevenson wrote that it would be necessary to discuss that issue. Immediately I told comrade Kuznetsov that this issue was not a subject for discussion. These bombers have low speed and low altitude limits. Nor can the "Komar" patrol boats operate at great distance. Therefore those weapons are clearly defensive.

In the first Kennedy message [possibly an allusion to Kennedy's October 22 speech, which included a reference to the bombers—ed.] the American administration spoke about the bombers, later this question fell away. Now they want to raise again this question. We have resolutely rejected such a discussion. Comrade Kuznetsov received corresponding instructions from Moscow. This is nothing more than attempts to complicate the whole matter in order to create once again a tense atmosphere and dangerous situation.

Let me specify the list sent by Stevenson. Here it is. There are mentioned: bombers, "Komar" patrol boats, "air-to-surface" bombs and missiles, "sea-to-surface" and "surface-to-surface" projectiles [cruise missiles—ed.]. The Americans are impertinently continuing their attempts to complicate the situation.

It is very important to have a document of agreement, which one can use at the UN. It can be carried through the UN with the help of U Thant. But for that it is necessary to have evidence proving the dismantling and evacuation of weapons. Then the situation would improve. The earlier it is done, the more advantageous it will be for us.

For the Americans it is better to postpone the solution of this question. In this case they have the possibility to continue the quarantine and other aggressive actions. We would rather help U Thant in order to give him a chance to report to the UN that the Soviet side has carried out the dismantling and evacuation of offensive weapons from Cuba. We should talk about it.

We have resolutely rejected the American demand for aerial inspection. Nevertheless, with the help of air photography the Americans collected data that the dismantling of the strategic weapons had concluded and published that information by themselves. U Thant could have informed the UN, but he needs evidence, proving the evacuation of the weapons. UN representatives must see how the evacuation is carried out and inform U Thant on the results of their observation mission. Then the situation will become significantly simpler. The issue will be sent to the Security Council where the decisions are taken not only by the USA representatives.

I'm not insisting that you answer this question right now. Maybe you can do it tomorrow. If it would be acceptable for you, why, for example, not give consent for U Thant's representatives to verify how the weapons' loading onto Soviet ships is carried out. You know that different international commissions or representatives of foreign powers often operate at sea ports and that fact does not limit the sovereignty of the host country in the slightest measure. Such a possibility would allow U Thant to consider accomplished the decision to withdraw the strategic missiles from Cuba. These observers would be given the opportunity to visit Soviet ships, anchored at the ports, to verify the fact of the armaments' removal. From my point of view that would not represent any infringement of national sovereignty.

Socialist countries, insofar as we are Marxist-Leninists, have to find a way of securing a unity of actions even in those cases when our opinions are somewhat different. Moreover, I believe, it would be taken into consideration that there are Soviet troops on Cuban territory. Therefore, our cooperation in the fight against imperialism must be especially effective. You may respond to this proposal [of mine] maybe not today, but tomorrow; in general, it seems to me that it is a minimum concession which would allow U Thant to present a report to the Security Council about the evacuation of the missiles. In the contrary case we will inevitably hear at the Security Council that the Cubans do not permit verification to be conducted, and that the Russians are only talking about control. But if the Security Council is given the opportunity to establish compliance of the promise of N.S. Khrushchev, then the quarantine may be lifted. The stage of diplomatic negotiations will begin. Roughly such an appeal was put forth by U Thant during his conversation with me. I ask you to discuss this proposal. I believe that the solution of this problem will help create definite conditions to settle the crisis situation which had developed in the Caribbean sea.

The Americans would like to delay the solution of this issue. Dragging it out gives them the opportunity to prolong the term of the quarantine. We told the Americans that we would be able to evacuate the weapons in 10 days. They are not in a hurry and say that it could take even a month. It is advantageous for the USA to preserve tension in this area. And we are standing for a lessening of tension, in order to solve this question at the Security Council. In our view, it's difficult for the Security Council to discuss this issue until the end of the USA elections. The elections will be held tomorrow and so it would be appropriate to think about its solution. It's very important to keep U Thant on our side. It seemed to me that he was very satisfied by his meeting with comrade Fidel Castro. But if we delay the solution, the Americans will seize the opportunity for their benefit.

C.R. RODRIGUEZ. So, if I understand you correctly, the question is about verification of loading at the Cuban ports as a minimum demand and the Americans would consider such a control a sufficient guarantee? Won't they later demand an on-site verification, in the forests? I'm afraid if we go along such route we can even reach an inspection on site, where the strategic missiles previously have been located.

A.I. MIKOYAN. The imperialists are not the point. Such verification is necessary for us. If the imperialists protest we can send them to hell. But it's necessary to take into consideration that the support of U Thant is very important for us, and the imperialists can say what they want. We'll send them to hell, the more so as they have already been convinced of the dismantling of the missiles with the help of air photography. If we manage to come to an agreement over verifications on ships, then the UN representatives will be able to control the process of loading also. We will not accept any more. Indeed, appetite comes with eating, but we will resolutely oppose such a rise of appetite, we'll do a step forward and that's enough for them. We rejected inspection, we didn't allow surface verification, we won't permit control over dismantling. But in order to strengthen our position at the UN, the representatives of this organization should be given the facts. Otherwise it will be difficult to restrain revanchists at the Security Council. But if the evacuation of weapons would be carried out and verified, then we'll obtain the lifting of the quarantine. I think, we should not put the sign of equality between the UN and the American imperialists. The matter is that the UN cannot exceed the limits settled by the two messages. If we manage to receive support from the UN, then the Americans would go to hell. We promised to allow verification of the evacuation. That verification can be organized by means of the UN. We didn't pledge anything else. But if we do not fulfill our promise, the situation may become considerably complicated. Perhaps you will discuss this issue without our presence and at the same time consider the possibilities of our further joint actions. If you find the opportunity we can meet today. However the meeting can be held tomorrow.

F. CASTRO. And what will the inspection look like?

A.I. MIKOYAN. Representatives of U Thant will arrive at the port of loading. Currently there are 4-5 ships assigned for that purpose. Then they'll climb on board. They will be shown the cargo and given corresponding information. In this way they will be convinced that we are fulfilling our promise and will go away. That is my understanding of this form of verification. If we come to an agreement regarding this proposal, I'll inform our representative to the UN and then we'll have the opportunity to settle the technique and procedure of this work.

I would be able to inform Moscow that we agreed to give both U Thant and the UN information necessary to declare the verification to be carried out.

F. CASTRO. Isn't it possible to do the same on open sea?

A.I. MIKOYAN. The form of loading verification is more suitable for U Thant. It is not hurting your sovereignty either, because the verification will be carried out not on your territory, but aboard our ship.

F. CASTRO. I understand very well the interest in keeping U Thant on our side. But such an inspection will undoubtedly have a painful effect on the moral condition of our people. The Americans are insisting that the agreement on verification has been achieved by the exchange of messages. And, indeed, in the letter from Khrushchev to

Kennedy of 28 October, it is said: "As I informed you in the letter of 27 October, we are prepared to reach agreement to enable United Nations representatives to verify the dismantling of these means."

Therefore it implies representatives of the Security Council for the mission of verification of dismantling on the site.

In the message of N.S. Khrushchev it is said, that consent would obviously be needed on the part of the governments of Cuba and Turkey in order to organize control of compliance of undertaken commitments. That means that N.S. Khrushchev in his letter of 28 October, is making reference to the message of the 27th. The necessity of obtaining consent on the part of Cuba is mentioned there, but that is not a responsibility of the Soviet Union, insofar as the USSR has already warned in the letter of 27 October, that the permission of the Cuban government is needed.

Comrade Mikoyan is saying that the imperialists could be sent to hell.

On 23 October I received a very clear letter where the precise position of the Soviet government is explained. Kennedy's statement is characterized therein as an unprecedented interference into internal affairs, as a violation of international law and as a provocative act. The Republic of Cuba, like all sovereign states, has the right to reject control and decide by itself what kinds of weapons it requires. No sovereign state must give an account of such actions. These concepts of the letter of 23 October are very precise and correctly reflected our position.

One more question. The formula that foresees UN observers in Cuba, in the USA, Guatemala and other countries seems to me a more reasonable verification. A unilateral inspection would affect monstrously the moral spirit of our people. We made big concessions. The American imperialists are carrying out aerial photography freely and we do not impede them due to the appeal of the Soviet government. It is necessary to look for some other formula. I would like to explain to comrade Mikoyan that what I'm saying reflects the decision of the whole Cuban people. We will not give our consent for inspection. We don't want to compromise Soviet troops and endanger peace in the whole world. If our position imperils peace in the whole world, then we would rather consider the Soviet side to be free of its commitments and we would defend ourselves. Come what may. We have the right to defend our dignity.

O. DORTICOS. The statement voiced by comrade Fidel Castro reflects our common resoluteness and we consider that this issue does not deserve further discussion.

A.I. MIKOYAN. I don't understand such a sharp reaction to my proposal. What we were speaking about was not an inspection of Cuban territory, but a verification procedure in the ports. Foreign representatives can be found in any port. It does not have anything to do with aerial or surface inspection. I'm saying that not to call into question your statement, but in order to explain.

Besides the issue we have just finished discussing, we were going—according to your proposal—to talk over a plan of joint actions. We can have such a discussion not now, but at a time convenient for you.

F. CASTRO. On the basis of yesterday's meeting we came to the conclusion that the Soviet government understood the reasons for our resoluteness not to allow a verification of Cuban territory. That resoluteness is a starting point for us. We are proceeding from the same point regarding joint actions as well. It's difficult to talk about them, if we have not come to an agreement on the previous issue.

That issue is the most important from Cuba now from a political point of view. The guarantees are very problematic. It is not peace that we are speaking about. But inspection is a component of their strategy in the struggle against the Cuban revolution. The American position is weaker. The journal "Time" wrote that the dismantling was proceeding rapidly. Verification in the ports and at sea is just the same. But verification in the ports is very insulting for us from the political point of view and we cannot fulfill this demand of the USA administration.

A.I. MIKOYAN. My proposal concerned not Cuban territory but only the Soviet ships, vessels are considered to be the territory of that state, to which they belong. Such a proposal I put forward on my personal behalf. Moscow did not entrust me to suggest it. Speaking frankly, I considered that insofar as such verification did not regard Cuban territory, but Soviet ships, it could be accepted. I was saying that although we understand the Cuban position, the verification procedures were not dangerous. I don't understand your reaction to my proposal.

Our Central Committee entrusted me to explain in detail the Soviet position on all the issues that are of interest to the Cuban comrades, entrusted me neither to impose our opinion, nor pressure you in order to obtain consent for inspection of the Cuban territory.

F. CASTRO. But verification would be carried out from the Cuban territory.

A.I. MIKOYAN. No, it could be carried out only aboard the ships. For that purpose Soviet and neutral country ships could be used. The UN representatives could live and sleep aboard those steamers.

F. CASTRO. Such verification in the ports does not differ from control on ships on open sea.

A.I. MIKOYAN. There is no doubt that verification can be carried out on open sea too, but does not bear relation to Cuba.

O. DORTICOS. It seems to me that now we should interrupt our work. We can agree upon further meetings through Ambassador Alekseev.

Ambassador Alekseev was also present on the Soviet side.

Recorded by V. Tikhmenev

[signature]

[Source: Russian Foreign Ministry archives, obtained and translated by NHK television, copy provided by Philip Brenner. Translated by Aleksandr Zaemsky, slightly revised. Published in Cold War International History Project Bulletin No. 5. (Bracketed explanatory notes are by the editor of the Bulletin.)]

01047

1962/11/05